

Руслан СИДОРОВ
Поэтические сочинения
Книга первая
Не именуя

Новокузнецк
2017

Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя

Руслан СИДОРОВ

Поэтические сочинения

Книга первая

Не именуя

Новокузнецк
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С 34

Сидоров Руслан Геннадьевич

Поэтические сочинения : книга первая : **Не именуя** : стихи / Руслан Сидоров ; составитель – Сергей Ерофеев, редактор – Татьяна Николаева ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя. – Новокузнецк, 2017. – 84 с.

16+

Вошедшие в книгу тексты приведены к единообразному и наиболее простому для восприятия раннего творчества Руслана Сидорова виду: все строки поэтических текстов начинаются со строчных букв, за исключением случаев начала нового предложения или употребления имён собственных.

Составитель благодарит:

Сергея Гринберга за многолетний труд по сохранению творческого наследия Руслана Сидорова и поиску ранее неизвестных его поэтических текстов;

Олесю Ходакову за серию авторских графических работ, предоставленных для оформления сборников.

СИДОРОВ
Руслан Геннадьевич

(1968 – 2013)

A handwritten signature in black ink, consisting of several overlapping loops and a long horizontal stroke at the bottom.

Вместо предисловия

*Номады не взыскуют имя Бога.
Не именуя – помнят про него.*

Руслан Сидоров

«Не именую, чтобы не обеднять». Именно так написал тридцатилетний поэт в шуточном «Предисловии автора» к первой тоненькой книжке стихов, «проникнутой» – по слову этого же предисловия – «здоровым духом Уродства». Написал тридцатилетний русский поэт. Поэт – Руслан Сидоров.

Было ли там «здоровое Уродство» – судить не возьмусь, а вот здоровое Кокетство (именно так – с заглавной буквы) определённо присутствовало, как следствие авторской уверенности в качестве отобранного поэтического материала и неуверенности в реакции на него. Нет – не в силе реакции, не в направленности, а в её наличии... «Зачем писать стихи, которые не читают?» И впрямь, зачем?

Первый сборник поэтических сочинений Руслан составлял сам как «доску почёта» или «полочку достижений», поэтому в тщательности отбора не приходится сомневаться. Ко времени выхода этой 60-страничной карманного формата книжки он писал уже полтора десятка лет. Когда, столько же лет спустя, друзья стали разбирать поэтическое наследие поэта, обнаружили сотни ранних стихотворений, достойных помещения в сборник, но, тем не менее, не помещённых в него.

Впрочем, были в черновиках и тетрадах Руслана и мертворождённые вещи. Среди них есть одна знаковая, с названием «Не именуя».

В случае Руслана – это, кстати, обычно: выносить в заглавия сборников и подборок поэтические строки. Полагал ли он, что название, как и предисловие, уже настраивает читателя на некоторое условленное заранее восприятие материала, то есть – ограничивает читателя в свободе сотворчества? Или, что напротив: ничто так не выражает настроение текста, как часть самого текста? Что любая искусственная, не содержащаяся в нём мыслеформа обедняет, в том смысле, что отвлекает, а не недодаёт?

И со стихами – то же. Редкие отмечены в содержании не первыми строчками. Это и позволило автору, не включая в сборник неудавшееся стихотворение, оставить название, придав ему новый несвойственный смысл.

«Зачем писать стихи, которые не читают?» И впрямь, зачем? Ведь не ради «здорового духа Уродства», и не Кокетства ради. Не для исповеди

или проповеди, – тут-то как раз необходима аудитория, да и прозаический жанр подходит куда как более. Ответ – в том самом исключённом стихотворении – в вынесенной здесь эпиграфом безупречной его концовке: даже не взыскав стихов как мелодики оборотов и рифм, мелодики Слова, люди помнят, что Поэзия существует. Так номады, не призывая Бога по имени – «Не именуя» – помнят о незримом Его присутствии в каждой черте их беспросветной кочевой жизни.

И для Поэта заданный им – не читателю, а куда-то в пространство, может быть, Богу – вопрос никогда вопросом и не был. Поэзия есть служение Слову, а значит – высшее человеческое служение, никак не зависящее от числа лиц, открывших и просмотревших ту или иную поэтическую брошюру.

Нынешний сборник ранних стихов Руслана Сидорова, хотя и носит то же название, что и предшественник, и составлен на его основе, – не является банальным переизданием. Он сформирован заново, и включает ряд нигде не опубликованных прежде стихотворений поэта для более полного знакомства читателя с его творчеством.*

Предисловие самого Руслана из первого «Не именуя», для повышения уровня преемственности смыслов, приведено ниже.

Сергей Ерофеев

Вместо предисловия – Предисловие автора

Если стихи, напечатанные в книжке, можно не считать стихами, то книжку нельзя не считать книгой, поскольку в ней уже имеется предисловие.

Пусть и автора только.

Зачем писать стихи, которые не читают? Не знаю. Наверно, для того, чтобы подержать их изданными книгой с собственным предисловием.

Не именуя, чтобы не обеднять.

Всё нижесказанное проникнуто если не (то есть, конечно, не) талантом, то большой долей здорового духа Уродства».

Руслан Сидоров (1998 год)

* Из уважения составителя к авторскому выбору, стихотворение, давшее сборнику имя, в этот ряд не вошло.

* * *

Из нас собрали батальон,
мне дали старый «ундервуд»,
шинель без ромбов и погон –
таких давно уже не шьют.

Мы прошагали на перрон,
оркестр сыграл нам бодрый туш,
и юный ротмистр Бальмонт
нёс романтическую чушь.

И мы заполнили вагон,
и «брехунок» оповестил,
что поезд на Парнасский фронт
отходит с третьего пути.

Ходили фляжки по рукам,
и пахло в тамбуре травой.
Седой полковник Мандельштам
молчал нам о передовой...

Прошли года, а не война,
кто вышел в чине, кто погиб,
а кто сказал: «анахмнена», –
и от своих побёг к другим.

Передовая, тишина...
Парнасский фронт ночами тих,
и поседевший старшина
в хрущёвке тесной пишет стих.

Он собирает свой призыв
в опавших памяти листах.
Не удержав хмельной слезы,
строфу он составляет так:

«Из нас собрали батальон,
мне дали старый «ундервуд»,
шинель без ромбов и погон –
таких давно уже не шьют...»^{*}

^{*} Данный вариант стихотворения представляет собой симбиоз версий из сборника «Не именуя» (Новокузнецк, 1998) и журнала «День и ночь» (Красноярск. № 4. 2009).

* * *

Всё длится сумрачный февраль,
всё лижет стужа окна ночью.
И настроение «не очень»
всё чаще повторяться стало:
как вечер, так придёт усталость –
сидишь, и ничего не хочешь,
и за окном скрипит февраль.

Уже не тянет даже выпить.
А ветер ноет, снег всё сыпет, –
сухой, секущий, мёртвый снег.
Не спишь. Но будто бы во сне
бредёшь в бреду, в полузабытьи,

а в спину лыбится февраль
ехидной тонкою улыбкой.
И месяц – бронзовая рыбка –
залеплен грязью хмурых туч,
и воздух вязок и тягуч.
Нелепой кажется ошибкой
нелепый, длительный февраль.

* * *

Мне так не хочется на бой,
«...туда – на жизнь, на торг, на рынок...»,
единства, а не поединка,
согласия с самим собой.

Пусть впереди не всё темно –
урод живет противу правил –
мне хочется немых кино
и чёрно-белых фотографий.*

* Вторая строка в первоначальном варианте оканчивалась точкой, а третья начиналась с заглавной буквы, однако смысл строфы при таком написании не ясен.

* * *

Утро врывается в город позёмкой,
хлещущей по лицу.

Люди идут на завод и в подземку,
сами себя несут

на изнурительный и бездарный,
всё ещё рабский труд.

Так вот, дешёвым дыша перегаром,
жили и так умрут.

То ли начало какого-то века,
то ли его конец.

Потно и красно лицо человека,
льющего век свинец.

* * *

Я родился в городе, где каждый второй
болен тяжёлой болезнью лёгких.
Пролетая над ним, даже вражеский лётчик
не сдержит возгласа сожаления.
Полноводное серебро
окислилось – струи чернят колени.

В этом городе даже в колоде карт
нет королей, и это
объясняет многое:
всенародность игры «в дурака»,
популярность у дам валетов и
домашних четвероногих...

* * *

Что жизнь? Игра на балалайке
имеет большой смысл, наверно.
Собака воет, воет, лает,
и на душе от лая скверно.

Оплакивает смерть чужую.
Чужую? Может быть, мою?
Нет. Я живой. Пока держусь я.
Не пью. И даже не пою.

И я преподаю предметы,
и разьясняю, что к чему.
И, может быть, и впрямь всё это
моё. Пока что не пойму.

Да и зачем мне пониманье?
Я вспоминаю невзначай
Экклезиаста. Там, где знания,
там по соседству и печаль.

* * *

На уровне молекулярном
менялись мозги от прочтения
почтенных и популярных
авторов нравоучений.

Одни говорили – «Это!»
Другие – почти что то же.
А я становился Поэтом,
в стихах на себя похожим.

* * *

Недоучившийся учитель...
Неунывающий мечтатель...
И всё же, что ни говорите,
всё, что ни делается – кстати.

Быть может, не совсем пока что
я с прошлым разорвал все нити.
Кто прав? Пусть время то покажет,
недоучившийся учитель...

* * *

Весна входит в город развязной
и ветреной девкой на бля.

А в памяти – первообразной –
чернильный исход февраля.

Снег, вульгаризованный грязью,
опошлил слюдянистый наст.

Весна для венца и для казни
разводит с тобою нас.

* * *

Я сегодня проснулся и выпил свой чай.
И пошёл на работу. И опять опоздал.
И небо, прозрачное, как печаль,
спросило: «Ты мой?» – я ответил: «Да».

В общественном транспорте тесно, тепло,
как в сердце, которое полно любви.
Между мною и небом – только стекло.
Выдернув шнур, на стекло надави.

Ничего не нельзя. Всё можно.
Рукою достать до звезды или выпить море.
Сердце бьётся ровно и мощно,
как волна океана о спину мола.

Если спросят: «Что такое весна?»,
отвечу: «Весна – это время года,
когда поутру, смыв остатки сна,
первое, что помыслишь: любовь и свобода».

И «красота спасёт мир» – не просто слова.
И верой действительно двинешь гору.
И мысль о том, что живём одна,
не имеет отношения к горю.

И можно идти, идти и идти,
не зная куда, за тем, чего нет. И
«Все пути ведут в Рим» – враки.
Если летишь –

все пути ведут в небо.*

* Данное стихотворение представляет собой симбиоз версий из сборника «Не именуя» и журнала «После 12» (Кемерово. № 2. 2013).

* * *

Может быть, чтобы приблизить небо,
нужно вначале прижаться к земле,
влюбиться в земное, слиться с земным.
Может быть, чтобы приблизить небо,
нужно слиться с землёю, раствориться в земле.

Может быть, чтобы увидеть землю,
нужно долго-предолго смотреть в небеса,
взмыть и плыть в небесах.
Может быть, чтобы приблизить землю,
нужно жить в небесах.

* * *

Нет. Не стоит на стены лазить,
резать вены и с крыши прыгать.
Это всё от гордыни лихо,
и с несчастьем можно поладить.
Улыбаться. Молчать, как рыба.
Шествовать неприметно и тихо.

Нет. Не стоит стучаться в двери,
руки, ноги и лбы разбивая.
Ну, откроют вам. Что с того?
Толку мало от этих истерик.
Глупо. Сами себя убивая,
убиваем в себе Его.

Нет. Не стоит спиваться, рваться.
Жизнь у нас без того недлинна.
А порывы души болят.
Уходите-ка в кельи, братцы.
Если кельи душе не милы,
уходите в леса, в поля.

* * *

Уйду в тайгу. Уйду в тайгу.
Уйду, когда настанет лето.
Процеженным сквозь хвою светом
умоюсь в травяном логу.

Алмазы утренней росы
босыми соберу ногами.
Бедняк, кто в шлёпанцах шагает.
Тот, кто богат, идёт босым.

Хрусталь стремительный – вода –
упругой одарит прохладой.
Мне лживой женщины не надо,
жена – река – верна всегда.

Разбавит вечер костерок.
Уже поставлена палатка.
Уже уши покушал сладкой,
песком почистил котелок.

Бесшумно падает звезда.
Желание не загадаю.
Зачем? И так не обладаю,
чем обладать хотел всегда...

Перетерплю, перемогу,
перенесу и то, и это.
И только лишь настанет лето,
уйду в тайгу. Уйду в тайгу.

* * *

Стих часто дольше сильных чувств,
поэтому правдив лишь частью.
Печаль прочней и дольше счастья.
Так, вопреки моим «хочу»,
стих – стенография печали.

И той, которая светла,
и той – ночной, безумной, чёрной.
Уныние – дорога к чёрту,
печаль – сырьё для ремесла.
Чай, чтение, чань, а чаще – чётки

затем лишь, чтобы оборвать,
уйти, переменить размерность...
Любая химия, химера
права, коль ущемит в правах
печали молчаливой меру.

Продукт бездействия несхож –
увы – с плодами недеянья;
зачем (сильнее – на...) мне
строй недостроенных стихов,
сей онанизм хореев-ямбов?

Ярмо? Тавро? Привычка? Блажь?
Самозащиты хитрый способ?
Перо, игла, заточка, посох –
как инструменты ремесла
решенья проклятых вопросов.

* * *

Есть в слове «надо» – ад, а в слове «нужно» – ужас.
Стоят по жизни Сциллой и Харибдой,
и с возрастом проход всё уже, уже...
Уже они сияющей харизмой
слепят мозги. Не в радость – только – «надо»,
неможется – но – «нужно» – и давай.
И ужас жизни перед этим адом
косой нарежет смерти каравай.

* * *

Что бесхарактерность? – пространство, а характер –
лишь линия в пространстве. И кораблик,
что по дуге торопится до порта,
допустим, будет первым – в жизни спорта,
бесспорно, предостаточно – но всё же
сама возможность, что представить можем
прибыть в порт, сам порт, портовый город,
портвейны, порно или же другое:

библиотеки, залы, оперетту...
Пойти туда и взять с собой вот эту;
потом семья, потомки... делать дело,
рост знанья, состоянья, билдинг тела...

Вот чёткая и честная черта
из точки в точку. Точка. Пустота.
Ведя дугу в пространстве: «а что, если б...»
Что я могу? Я солипсуюсь в эллипс.*

* Стихотворение для упрощения восприятия разбито на строфы.

* * *

Среда –
как атмосфера взаимной индукции мысли –
отсутствует. Да.
Но вместо того, чтобы дуться, я
говорю: «Один в поле воин» – в том смысле,
что есть ещё самоиндукция.*

* Первая строка первоначального текста стихотворения разбита на две для упрощения восприятия.

* * *

Май. Сумерки. Цветёт рябина...
Сквозь тополиную листву
вечерний луч к окну пробился
и впился в стену. На траву
летят, ещё едва заметны,
пушинки тополей, и луч
окрашивает красным цветом
при встрече каждую. В углу –
проекционная картина –
обоина бесцветна, но
колец Ньютона паутина
разрисовала полотно.

Луч, умирая, усложнился
и разложился, но не так,
как человек, который жил и
закончил, до смерти устав.

* * *

В шапочке из белого войлока
прошагать по улицам города,
воротиться в пустые комнаты,
(дань акустике) слушать музыку...

Выпить чай, почитать хорошее,
не пытаться ни Ицзин, ни зеркало.
Так и жить до поры до времени,
удалившись от ливней лишнего...

Выкроить из личного чёрное,
ничего плохого не трогая.
В шапочке из белого войлока,
не запачкавшись чёрным городом...

* * *

Голые стены квартиры.
Окурки. Белая тара.
Пыль на полу. В сортире –
сломанная гитара.

Похмелье. Хрипы из крана.
Хочется сжечь будильник.
На чёрно-белом экране
улица Пикадилли.

В пол-лица гематома.
В желудке почуяв жженье,
прокашливаясь со стоном,
пачкаешь губы желчью.

Это всё так знакомо
тем, кто знакомы с горем,
в коме живущим, с комом,
прочно застрявшим в горле.

* * *

Пьян я, как Модильяни
в дни молодой нищеты.
Напрасно в моём кармане,
карманник, шарисься ты.
There are nothing money.*

* Первоначальный вариант первой строки «Я пьян, как Модильяни...»

* * *

Ей было сорок, ему двадцать пять,
и он её чуть стеснялся.

Но каждый вечер он шёл и опять
в жёлтую дверь стучался.

Она была доктором точных наук,
а он сталеваром в домне.

У неё – голова, у него – пара рук
и прочего, впрочем, вдоволь.

Когда он женился, нет, не на ней,
ему двадцать шесть было.

Она невесте, теперь уж жене,
белое платье сшила.

Прошли года, и его сын
с её обручился внучкой.

А он на свадьбе, напившись косым,
сказал: «Породнились, сучка...»

Метаморфозы

Она мечтала о комнате с ванной...
О подарочных томиках Томаса Манна,
что присмотрела вчера...
Починить пылесос... Дотянуть до зарплаты...
Чтоб доктор хороший, и ей не заплакать
от боли, как в первый раз...

О тайной секте, ведущей к Богу...
Оральном сексе с витальным Вовой...
Раздать бы долги в феврале...
Она мечтала о муже: в театре
он самый первый во фраке в антракте
выносит ей кофе в фойе.

Мечтала – по с детства знакомой привычке –
мечтать, заключая реальность в кавычки;
мечтала, чтобы не жить
мрачною жизнью с суровым Богом,
что запретил уходить убогим
самим, наточив ножи.

Прошли года. В объятьях дивана
после джакузи, с томиком Манна,
мечтала выпасться всласть.
Внуки на даче. Муж за границей.
Младшая с зятем на отдыхе в Ницце.
Всё. Улыбаясь, спала.

* * *

Что у меня осталось?
(Встречный вопрос: а что было?)
Остались стихи и усталость.
Что было – то не забыто.

Не сбылось то, что хотелось.
Крест-накрест забиты двери.
... Течение несло, вертело,
било о каменный берег.

Выбросило на остров.
Полз, кровью пачкая камни.
Болью мучительной, острой
меня донимала память.

Нашёл робинзонов пару.
Мы с ними глушили водку.
Я растворил свою память.
Я прожигал жизнь и глотку.

Трио – робинзонада.
Банальная русская тройка.
Мне кто-то шепнул: «Не надо»,
и я прекратил попойки.

Теперь я совсем не помню,
во что я когда-то верил.
Мне снятся: палящий полдень,
кровью испачканный берег.

* * *

Вот берег. Он морской. На нём лежит
безжизненное тело кифареда.

Сандалии, облизаны волной
и выкрашены лунной серебрянкой, –
совсем как новые. Поэтому они
снимаются с покойного илотом,
по воле случая гуляющим вдоль моря.
Быть может, чем-то Зевсу был он мил,
и тот замолвил слово пред Морфеем.

...не встретив сна, илот покинул ложе...

...прокравшись в дом, спартанцы-сорванцы,
стилет вонзив, истратили замах,
испортив лишь тюфяк и лён циновки...
Илот, не зная ни о чём, гулял.

Озлившиеся мальчики при встрече
макнули сталью в сердце кифареда,
который перед этим чудом спасся,
единственный, с галеры затонувшей,
меж Сциллой и Харибдою в ночи.

Илот остался жив, нашёл сандалии.
А мальчики в ту ночь уснули злые.
А с кифаредом встретился Харон.
Никто не знает, почему так вышло.
Никто не прав. Никто не виноват.*

* Стихотворение разбито на строфы иначе, чем в авторском варианте.

* * *

Время людей деловых пришло.
Я буду петь маргинальную песню.
Нету мне дела до жара жадных –
лечь и лежать бы.

Бедность небедных – визитка чести,
глядя отсюда на Темзу в Челси,
я на Томи загораю в Кузне.
Хлеб на воздухе вкусный.

Денег нехватка хотя и заботит,
но осознание того, что работать
надо на дядю, семью, государство...
Дайте мне денег даром.

Берите в братья, братья-бродяги,
в дудку дудеть, бормотать бодягу,
петь лабуду, лебедой питаться,
светло витийствовать, может статься,

чего и выкружим, если нет, то –
всё ничего, ведь брутто от нетто
разнится только лишь упаковкой,
которая суть – дешёвка.

Святая слепота

Дождь косой, ослепши, падал с неба,
шёл в июнь черёмуховым снегом,
и пацан босой по лужам шлёпал,
слушая, о чём шумели клёны.

Клёны говорили – он не верил.
Клёны уверяли – он смеялся.
Потому что день был спел и светел.
Снег был бел, и небо было ясно.

Было ясно: будет всё красиво,
как сирень, умытая июнем,
как подсолнух Солнца над Россией,
как его безудержная юность.

Шёл с душой пацан и не боялся.
Клёны говорили – он смеялся.
Клёны уверяли – он не верил –
про петлю в каком-то «Англетере».

* * *

Душа моя простая, грустная,
а ещё весёлая, сложная,
а ещё она очень русская,
а ещё – на твою похожая.

Душа моя чистая, детская,
а ещё она тёмная, старая,
а ещё – белоснежно-серая,
а ещё – безнадежно-усталая.

* * *

Город мой. Запылённый и грязный.
Подворотни ножами крысятся.
Ежеутренне в транспорте дразги,
и за окнами трубы высятся.

Над тобою небо заплёвано.
С дымом ржавым замешано облако.
Даже солнце здесь тусклое, блёклое.
Слабо-серо блестит, как олово.

Улыбаться здесь трезвым не принято.
Ходят люди понурые, скучные,
всё какие-то жёлто-коричневые,
вялой поступью, рыхлые, тучные.

Друг на друга, как братья, похожие.
На всех лицах печать обречённости.
В животы им втыкают ножики
в подворотнях мальчишки с девчонками.

* * *

Это место нашего с тобой... детства (?)
Моего и твоего детства.
Время, от которого некуда деться,
здесь предаётся бездействию.

Ничего не изменилось.

Тот же ручей, тот же камень,
тот же гаммарус в ручье... Река лишь
чуть обмелела, но ясно, что это
следствие слишком сухого лета.

Клёкот кобчика взвился и оборвался,
запад прячется в розовой вате,
а ветер рвёт одеяло с неба
и приносит запах домашнего хлеба.

Хлеб, молоко и мед и... Не знали о Шелтоне
в ту пору, в эти места зашедшие,
а вернее, заплывшие, – как не знали
об абортах, запоях, изменах, смертях, безнале...

И в этом незнание была чистота и сила,
что теперь порастрачены временем,

всем, что было...

Спальник стелю на пихтач, там, где они стелили.
Где думали, что любили,

и, как теперь ясно, – любили.

* * *

Серебряные птички звёзд
слетали с неба постепенно.
Листва травы дошла до слёз,
когда запели

сиренью синей соловьи,
и солнце расправляло стёкла
червонным золотом своим
в моей светёлке.

Давно? Недавно? Навсегда
мгновенья счастья станут нами,
стихами, песнями и снами,
свирелью соловьёв в садах.

* * *

Глядя на часы, видишь, как теряется время.
Теряется то, чего нет. Ты
затягиваешься сигаретой,
поглубже вжимаясь в кресло,

думаешь: «Что же завтра?» –
зная, что *ничего* либо – *то же*.
Зевая, доешь свой завтрак,
пойдёшь на работу. Позже,

поужинав, сядешь в кресло,
выпьешь свой чай и, трезво
взглянув на часы, заметишь,
как теряется то, чего нету.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

Ты знаешь, как слышна тишина
ночью, часов после трёх,
когда темно и когда луна
за душу лучом берёт?

И взгляд уходит вверх по лучу
света из темноты.
Природа молчит, и я молчу,
и слышно, как пахнут цветы.

Тысячи языков листвы
чащи шепчут слова.
Всё чаще коротенькое: «Увы!»
вторит листве трава.

Ты знаешь песенку костерка
ночью на бережке?
Как бережёт тишину река,
а рыбы поют в реке.

А если вдруг деранёт коростель,
то это звучит, как взрыв.
Ты знаешь, как сердцу видно в темноте
пламя Божьей искры.

И по ночам, когда темнота
комнаты тяжела,
память ведёт меня по местам,
где с нами луна плыла.

В той самой реке, где рука в руке,
точно в раю. Вдвоём.

Шалаш. И рыбы поют в реке,
и тишина поёт.

И если печаль – то печаль светла,
как говорил поэт.

Ведь темнота, что тогда была,
была похожа на свет.

Транзит

Вокзал. И опять опоздал я
на поезд. Садишься в другой.
Поплыло знакомое зданье,
знакомится общий вагон.

Вокзал. Пересадка. Толкучка
в буфете... Подкрашенный чай...
Скучает случайный попутчик...
Часы... Голова Ильича...

Вокзал. В переходе подземном
народ, берегущий багаж.
У кассы страстей Колизея
накал. – «Крайний ты здесь?» – «Ага!»

Цыгане. Цыганские дети.
(А я кто? Куда мне? К кому?)
«Не нужно случайно билетик?» –
«Докуда?» – «Дотуда!» – «Возьму!»

Вокзал. Опоздание. Ждачка
на энные ...надцать часов.
Газеты. Статейная жвачка.
Реклама тросов и трусов.

«Немного любви?» – «Нету денег» –
«А за сигаретку?» – «Пошли».
(Обычное, в сущности, дело
любой привокзальной земли).

Дороги. Транзитные рейсы.
По жизни, транжиря, бежит
пространство и время по рельсам –
вагонно-вокзальная жизнь.

Пустеющий зал ожидания.
Вокзальные слёзы. А – пусть!
А я не хочу – «до свиданья!»
Пусть и с нецелованных уст.

Окурки сметает с перрона
косеющий к осени дождь.
Вагон. Я снимаю корону,
сажусь у окна и – гудок...

* * *

Горячий щебень. Запах креозота.
И в перспективе убежавших рельс
миражный воздух изобрёл чего-то,
горящее, как шапка на воре.

Шаг соразмерен шпальным промежуткам.
Вокруг поля, холмы, трава-ковыль,
кузнечики шушукаются шустро.
Льёт золото из горней синевы...

Здесь, по местам былой, бесславной славы,
что по-другому памятью зовут,
я прохожу, и миражи плывут

из прошлого, навстречу, величаво.
Благослови, Господь, солёный труд
и память о несчастиях нечастых.

* * *

Мир знал до человека о себе
и ныне сохраняет это знанье.
И что ему до суетных созданий,
взыскующих до истины небес,
что вызвали в помощники богов,
придумали какую-то науку –
наверняка – Большое Ничего.
Тщета. Стрельба в созвездия из лука,
пожалуй, плодотворней. Ведь она,
та Истина, коль есть, – нечеловечна.
Не потому ль так лыбится луна,
за нами наблюдая каждый вечер.

Ничтожный хохотунчик ручеёк
об этом валуну звенит руладой.
А Тишина стоит, хранит Своё.
Так было. Есть. Так будет. И так надо.
А может быть, Луна, Валун, Ручей
в какие-то довременные дали
соскучились и вывели созданье,
чтоб посмеяться было им над чем.
Чтоб радоваться милой толкотне
слепых кутят, дурашливых, безвредных.
Не потому ли именно Луне,
воде и камню поклонялась древность?

* * *

Пальцы, мнущие сигарету,
отвлекаются придавить комара.
Лето.

Жара.

* * *

Мысли, лишённые реального содержания,
об ангелах, карлсонах, нейтрино (?),
промысле божьем, Жане Вальжане,
Змее Горыныче, Третьем Риме...

Мысли помешанного, смешного,
беззащитного
человека о величии духа, тщете земного,
об устремлении разума к чистому
разуму – плюс немного

фантазии, внутренней азии,
чувственного дрожания,
мистики, музыки, математик...

Держащий реальность на содержании
бесполезен земле. В хрестоматиях

христианства такого окрестят юродивым,
доверят устам слово божье.

Бесполезность для *дела* – в природе их,
и все встречные им – прохожие.

* * *

Пилит двуручной один, что-то лопочет:
то ли молитвы, а может, и матерится.
Важно гуляет рыжий бесстыжий кочет
и не стесняется, если захочет. И злится.

Пилит сосну; двуручной; один; однорукий.
– Дай помогу, – ещё раз.

– Да цыть ты! Подь в избу.

Солнышко рыжее. Злой кочет (глаз круглый).
Клюнет, поди. Хворостину потолшше выбрать.

В сенках прохладно. Попил молока с банки.
Кот сидит. Налил коту. «Пей, ката».
С кухни – вкусно – жарит драники баба.
Я их люблю. Мне хорошо. Мне три года.

* * *

«Научиться бы жить», –
думал мальчик – учился на тройки,
а вчерашние сверстники
с лёгкостью делались старше.

Ночь. Настольная лампа.
Он учит уроки.
Смотрит в звёздное небо.
Молчит. И готовится к старту.*

* Печатается в версии журнала «После 12» (№ 1. 2001).

* * *

Ровесники, зачем не слышу вас?
Что ж листья слов никто не подбирает,
не клеит черепков разбитых ваз,
не чертит классиков и в бисер не играет?

Голодных нуворишей накормить
стране не хватит недр, и лес порублен,
родня, как речь родную сохранить?
Мы разучились говорить по-русски.

Не оттого ль, не ведая стыда,
бежали старшие в заморские европы,
что видели их дар – ненужный дар, –
кидались кто в стакан, кто в психотропы...

Иосиф русский, видишь ли ты нас?
Нам до тебя, как до Пекина раку.
Больна, бедна и кинута страна,
но есть ещё: рука, перо, бумага.

И три в одном соединив, – рискнём,
впитав родное, отдаля другое...
Язык не онемееет, если в нём
настырных несторов осталась горстка,

хотя бы горстка... До поры молчат.
Но вижу свечи в окнах то и дело...
Покажутся... Пока ж горит свеча,
и чай мне в вольных дольниках поделльник.

* * *

Пережду с котомкой под кустом.
Что мне до потомков, до потом?

Мне сейчас бы разобраться, здесь –
что это? – уродом меж людей.

Кто они – вершащие дела,
одноклассники – теперь какой их класс?

Коль уродство – каинова меть,
маяться ль, что *так* мне не суметь?

Каяться ль? Изначить душу вкривь
эвфонией эвфемичных рифм?

Петь дельца паучий путь-прогресс?
Петь Тельца и в пяльцах пальцы греть?

Нет. Сорочьих строк не сладок треск.
Мне иной – козырный – интерес.

«Медь звенящая, бряцающий кимвал...»
Месть насмешек не страшней похвал.

...запеку картошки под кустом,
не пойду попутчиком в потом.

* * *

Вечер в тайге. Густеет туман над рекой.
Лягу на тёплых камнях и закрою глаза.
Хвойная воля и голубой покой.
Это ль не счастье?
Неправду поэт сказал.

* * *

Легко презирать держащих бразды,
но задумайся и – пожалеешь.

Песни цветов тише воды,
но выше травы июля.

Легко цитировать Экклезиаст,
вспоминая и глядя в завтра.
Моарионитшенский Зороастр
перед зеркалом чистит горло.

Трудно понять стариков и детей,
загадочен старый ребёнок.
Ююбы плывут в ночной темноте...
Красных созвездий рябина...

* * *

Тусклую блесну метну я
в плёс, усыпанный листвою.

Плещет щука в окнах водных,
холод осени почуяв.

В цепких пальцах голых веток
цедит лес прозрачный воздух.

Ветер месит запах тленья,
метит светом воду месяц.

Хрустнет лось сухою галькой,
тишины хрусталь разрушив.

Кряк утиный взрежет ухо.
От костра ухой запахнет.

Мглой осеннею застужен,
забираешься в палатку,

и на жесть брезента ляжет
тяжесть одинокой ночи.

* * *

Я вернулся в мой город из чёрной тайги,
из колючих объятий бабы-яги,
где за сопку цепляются облака
и мошка заползает в рукав.

Там под дружной пилой падает кедр,
там вгрызается драга в золото недр,
и по берегу резвистых искристых рек
не варяг, не грек – бесконвойный зек.

Видел рысь на тропе, видел белку в дупле.
Зеки мне приносили горячий хлеб.
И кедровой поленницы банный жар
льдом седого ручья остужал.

Что до ручьёв, то они ничьи,
харьюзовый хвост поперёк струи,
отражённое небо оживлено
в них каменистым дном

и петляньем воды, а вода – мягка,
и подолгу смывает мыло рука.
Изумрудно-янтарный варил я чай,
вскипятив серебро ключа.

Я был счастлив там. Я был часть бытия.
Я пытал Патанджали под шум ручья.
Глядя в пламя костра, просыпалась во мне
память Юнга, что жизни длинней.

Жизнь таит в себе смерть, точно рыбу вода.
Там струится змея по медвежьим следам,
и, считая курумник в холодных белках,
растворяешься в облаках

и... оставшись живым, вспоминаешь потом,
как хрустит под незримой ногой сухостой,
понимаешь, питая огонь до утра,
Зороастр был прав.*

* Первая строка третьей строфы исправлена для предотвращения сбоя ритма. Первоначальный вариант: «Видел рысь на тропе, белку в дупле».

* * *

Был в любом городе посторонним,
в любой деревне был городским,
в горизонтальном флоте реки
скрывал следы круговой обороны.

Набирался сил, питался рыбой,
кедровым орехом, пчелиным мёдом,
чтобы быть собой и собою выбыть,
чтоб из ряду вон и ввысь – иноходом.

Так и дошёл до стана своих,
остановился, да там и остался.
Тут и сказке начало. Молчит мой стих,
оставляя открытой скитальцев тайны.

* * *

Не спится... Устал, а смотри-ка, не спится...
Ко мне на окно прилетела синица
и постучала «тук-тук» в подоконник.
Я в доме один. И мне беспокойно.

Койкою пол. Простыня – перина.
Дом погасившей огни субмариной
в ночь погружается. Ночь бездонна.
Светится звёздный планктон над домом.

Ночь. Камбалиной сонаты звуки,
триоли, желтофиоли, глюки, –
сквозь иллюминатор – минорней, тише
и глуше... и глубже... игла... не слышу...

Ваньке

Дождь превращает струны на балконе
в алмазное кольцо, что на закате
становится рубиновым красиво,
а под балконом чей-то метроном
вытряхивает время в виде пыли
из старого ковра. С телеэкрана
скандируют студенты: «Новый КЗоТ»
с энтузиазмом, чем напоминают
студенчество, весну и комсомол,
и то, что гены прошлых демонстрантов
надолго сохранит наш генофонд,
теперь понятно. Догорит закат,
покажет фильму старый телевизор,
и, докурив последнюю из пачки,
улягусь спать, с надеждою узреть
весёлый сон и избежать кошмара.
Вот так в моём недатском королевстве
проходят дни каникул от судьбы,
переходя в каникулы от счастья.
И нет гитары – струны оборвать.

Корявая прелюдия, Иван,
играет роль, так скажем, камертона.
Написанное в камере квартиры,
которую безденежье не даст
покинуть этим летом, повстречаться –
да хоть с тобою. То есть жизнь корява

в данный момент. При том *memento mori*
нас посещает именно тогда,
когда ты жизнью недоволен или
ты на вершине счастья. Воеет на луну
дворовая собака – те же ноты
(опять же предрассудки ли, приметы),
но благотворно приближенье ночи.
Неспящий слышит лунные сонаты.
И просыпается для лучшего в себе
и в небе. И протягивая руки
к перу, хотя, честнее, к ручке,
которая не хочет ставить точки,
не мысли доверяя, а строке,
инерции её, желанью длиться,
с тем чтобы вдруг остановиться, стать,
и стать, и удивиться на себя;
но так ушёл Иосиф, не Иаков,
хотя и тот, и тот боролись с Богом.

Отплавал тополиный пух, опали
медвянки липы золотом на землю.
Июль. Эмаль небес дождём отмыта,
и к пиву прикуплен солёный омуль.
В небесном омуте – глаза небесных рыб.
Что Млечный Путь – река, известно многим.
Она течёт издалека и вдаль.
И мы её переплывём повдоль,
скрестивши руки, протянувши ноги.

На спинке – да, – оттуда глядя вверх
в седьмое небо (если их не девять).
Ведь если есть тот свет (а есть тот свет!),
то нам куда ещё? – и мы там будем.

Ах, всё это слова, слова, слова
словарного запаса маргинала,
из коих не составить мадригала
или элегии, но можно рифмовать
скромной строкой строфы провинциала,
что в своём роде есть аутотренинг,
какое-никакое, а искусство:
себя избавить чуточку от боли,
при этом чуть порадовав других,
пускай немногих, хоть и одного.

* * *

Конец субботы. Мой знакомый Бог
велит мне отдыхать – я отдыхаю.
Неделею натруженный хребёт
желает к мягкому, расслабься, прислониться.
Глаза полны бездумной глубины...
А в понедельник жёсткое седло,
поводья, разрывающие губы,
и пахнувшая потом пахота.

* * *

Толстый дедушка верхом на быке, посох в руке –
оставил внуков – оставил им пять тысяч слов.
Жёлтые листья осени плывут по жёлтой реке.
Красная нить пути – через закатный склон.

Перемены нехитры, дедушка неумён, бык небыстр.
Вставшим на дедушкин путь солнце согреет спину.
Сел на быка и отбыл в направленье судьбы,
туда, где родился под деревом жёлтый принц
середины.

Ниточку длишь на запад – самосский драчун и
молчун,
чьи штаны хоть и старше, но всё же прочней
плащаницы.
И я тоже хочу
с ними.

* * *

В чём смысл жизни – не очень сложный вопрос.
Ухаживать за могилами предков, растить детей.
Умножать, складывать, просто хранить добро,
что осталось в наследство, и сам осветил в темноте.

Готовить ужин на всю семью плюс одного
всегда возможного странника, что заглянет на свет,
и если нет веры, – учиться верить в Него.

В тот самый жизненный смысл, которого нет.*

* Текст стихотворения разбит на предложения иначе, чем в первоначальном авторском варианте.

* * *

Ниоткуда пришедший на эту землю
и готовый уйти навсегда отсюда,
я приемлю всё, но лишь небу внемлю,
потому что я знаю, что я там буду.

*Только море способно взглянуть
в лицо небу.*

И.Бродский

Я на коне не скакал ни разу.
Не водил мотоцикла, автомобиля.
И, хотя были приятны глазу
горы, – не с теми, кто восходил, – я.

И только реки меня носили,
нам по пути: сверху вниз стекали.
Уж сколько силы у рек России –
а вниз, что поделать – судьба такая.

Кому-то кони, автомобили,
кому-то горные эмпиреи,
кому-то счастливое: «Жили-были...»

А мне бы морем стать поскорее.

* * *

Я знаю, что слово умеет бить.
Я хотел бы сделать из слов чугунную бабу.
Передолбить чугунные лбы до последнего лба бы,
долбить, пока в моде чугуны и последние лбы.

Я знаю – слово умеет петь.
Я хочу из слов сделать первую песню –
ту, что все услышат. Чтоб всё успеть,
я спешу успеть. Ну, а нет – воскресну.

* * *

За практику смертей и воскресений
пора тебя, мой Бог, благодарить,
за то, что подарил мне алгоритм:
в осенний день предвосхищать весенний.

За море поглощающей любви,
в котором я тонул неоднократно,
за песни соловья, что по утрам пел
нам соловей; синиц, что не ловил,
и журавлей, пленительно красивых.
За то, что отпускал я журавлей,
за то, что притяжение к земле
ты сделал для меня не слишком сильным.

За практику смертей и воскресений
пора тебя, мой Бог, благодарить.
И более всего – за мощность рифм,
равняющий «осенний» и «весенний».

До темноты

Осенью красные козыри
озеро ласково бьют.
В этом краю берёзовом
прост и суров уют.

Пахнет сухою осокою
тонко и хорошо.
Солнце уже невысокое.
Сентябрь к концу подошёл.

Вечер. Туманные сумерки.
Веет севером ветер.
Но всё же ещё не умерли
кузнечики в млечной траве.

Щука уже сготовилась.
Люблю, грешным делом, хоть гой.
Собеседника, стопочку б
да доску для шашечек го.

Все сильнее темняется.
Надо проверить сеть.
Да дрова вот кончаются.
Собрать бы успеть

до темноты.

* * *

Время пошло по девятому кругу.
Ветер на ЛЭПовских струнах грустных
что-то играет очень по-русски.
Вечер осенний, поле, костёр.
Воздух хрустальный. Земля сухая.
Волн ковыля вокруг колыханье.
В овраге родник говорит стихами
ни о чём или же обо всём.

То ли кузнечики, то ли цикады.
За апельсином заката цукаты
звёзд, что слушают пиццикатто
ветра: и до-ре-ми-ля...
Луна, что сегодня полна собою,
не прячет в тучах лицо рябое
и льёт обильное голубое
в серебро ковыля.

А ты, обжигая картошкой руки,
хихикаешь мне о каком-то друге,
о том, что он носит в обтяжку брюки –
ну, как балерон какой.
Смотрю и слушаю. Соображаю,
что ты мне, пожалуй, уже чужая,
не ощущаю ни боль, ни жалость,
облечённый в покой

бабьего лета, лунного света...
И, от сучка прикурив сигарету,
чуть улыбаюсь верным приметам
вечности красоты,
что больше и старше земли и неба.
Короткое русское слово «лепо» –
душевная калька, сердечный слепок,
и нет «и» меж Я и Ты.

* * *

Поцеловать: «Гуд найт, ма шер»,
ослабить пояс у шлафрока,
сесть в кресло и включить торшер,
и углубиться в «Будденброков».

А поутру – китайский чай,
к нему французская багетка.
«Гуд бай, ма шер!» – не то – прощай,
я с Башлачёвым на разведку.

Вернуться со щитом. Уйти
в запой и выйти в одиночку.
Прийти домой и в нём найти
чужого мужика и дочку.

Он скажет: «Сорри, камарад!»
Она тебе: «Фак ю, амиго!»
А ты: «Бывайте, мне пора
в разведчики лотов Пальмиры».

Когда запоёт Орфей,
Сизиф присядет на камень,
Тантал забудет о жажде,
Данаиды о бочках,
отверзнется всяка дверь,
отыщется – что искали,
и все узнают однажды,
что называть Любовью.

Кончится время выюг,
и каюк – Юге Кали.
Детка, не будет боле
боли, ни стигм, ни вав...
Вот это и есть, мой друг,
то, чем тебя запугали
в первоначальной школе,
Страшным Судом назвав.

* * *

Тот, кто любит, тот не любим,
тот, кого любят, любить не может...
Чем мать нежнее, тем строже сын,
чем ласковой дочь, тем отец строже.

Где плюс, там минус. Ноль результат.
Кто верит свято, отвержен Богом.
И мне понятно, почему так
людей несчастливых на свете много.

* * *

Я на счастье бью тарелки,
а его в помине нету.
Счастье – это лотерея,
я опять не угадал.

Я хожу-брожу по свету,
брагу пью я и дурею.
Что я мог и что имею
к двадцати пяти годам?

У меня дыра в кармане,
у меня душа в заплатках.
Нету истины в стакане –
я искал и не нашёл.

Я уже не строю планов:
знаю – жизнь опять обманет.
Знаю, что уже не станет
ни легко, ни хорошо.

* * *

Он всё писал – прелюдии, вступленья,
всё разминался, всё себя готовил
к тому, чтобы сказать, с достойной силой,
слова добра и красоты и правды.

А в это время тикали часы,
и умирали люди, и рождались
иные песни, мысли, имена.
Роняло небо листья, снег и солнце.

Он соль земли выпаривал в реторте,
но без осадка возгонялась жизнь.
И, наконец, он понял то, что многим
уже давно знакомо было раньше,
и он покинул Ясную Поляну.

* * *

1

Осень. Окончанье октября.
Кажется, последний день без снега.
Злым щенком чернеет небо неба,
и в рубин – закатная заря.

Сытые и тучные стада
неовец навеивает вечер.
Севереет. Я сижу у речки,
и глотает камушки вода.

2

Со строгостью монастыря
лес убран: беден и прекрасен.
В осиновом иконостасе
краснеют стигмы октября.
Неслышное моё «прости».
Всем. Одному. Одной. И небу
мой внятен стих. И горя нету,
и горсточка рябин в горсти.

3

Октябрь. Позавчера Покров,
а снега с неба не упало,
и рябчик слизывал по капле
рябиновую кровь.
Тепло. По-летнему тепло.
Лес словно терем после вора.
Стекло реки под небосводом
до льда недалежного текло...

4

Гляделись в реку синева
и красным писанные листья.
Октябрь. Бабья осень. Тишина.

Уже дописана глава.
Чернильные следы на лицах
грядущих туч. И бабья осень сочтена.

Но мы последние деньки
досмотрим солнечного света.
Октябрь неожиданно красив...

Костры у розовой реки,
и вялятся на голых ветках
червонные тугие караси.

5

Лезвие дождя наискосок
полоснуло холодом по горлу.
Осень полыхнула по пригорку,
догорает под дождём лесок.

Олово реки – виолончель.
В перекатах льдистым пиццикато
катится, царапая о камень
амальгамой солнечной, ручей.

Холодно в болотных сапогах...
Обжигает, убегая, леска...
Из-за мрачно-тучной занавески –
первый снег... И к ноябрю – снега.

* * *

НН

Замёрзшие гитарные смычки
дыханием души отогревая,
она стоит под звёздами, и ночь
внимательна, ночь предвкушает Голос.

Холодная сибирская река,
приток Оби, а значит, Ледовитый
дождётся песни на пластинки льда.

Она поёт...
Нет, не поёт – колдует...
Покоя нет, и это-то и в кайф.
За бабьим летом наступает снег.

Она поёт, колдует, голосит,
и по реке уходит в небеса
пугливый призрак лошади крылатой...

* * *

Время сыплет песок и течёт рекой.
Все – сказуемо! С этого стоит начать.
И продолжить молчанием и строкой,
точной, как точка. Вместить в сейчас.

Скрипи, перо, и скрепляй слова –
чернильные сгустки в бумаге лист.
Слово, которое было сперва,
магию длить велит.

Стихотворения, публикуемые впервые

- «Был в любом городе посторонним...» (с. 56)
Ваньке (с. 58–60)
«Вечер в тайге. Густеет туман над рекой...» (с. 51)
«Всё длится сумрачный февраль...» (с. 8)
«Время пошло по девятому кругу...» (с. 69–70)
«Время сыплет песок и течёт рекой...» (с. 79)
«Город мой. Запылённый и грязный...» (с. 35)
«Душа моя простая, грустная...» (с. 34)
«Недоучившийся учитель...» (с. 14)
«Нет. Не стоит на стены лазить...» (с. 18)
«Пальцы, мнущие сигарету...» (с. 45)
«Поцеловать: "Гуд найт, ма шер"...» (с. 71)
«Пьян я, как Модильяни...» (с. 27)
«Тот, кто любит, тот не любим...» (с. 73)
Транзит (с. 41–42)
«Ты знаешь, как слышна тишина...» (с. 39–40)
«Уйду в тайгу. Уйду в тайгу...» (с. 19)
«Утро врывается в город позёмкой...» (с. 10)
«Что жизнь? Игра на балалайке...» (с. 12)
«Что у меня осталось?...» (с. 30)
«Я знаю, что слово умеет бить...» (с. 66)

Содержание

Ерофеев С. Вместо предисловия.....	4
Вместо предисловия. Предисловие автора.....	5
«Из нас собрали батальон...».....	6
«Всё длится сумрачный февраль...».....	8
«Мне так не хочется на бой...».....	9
«Утро врывается в город позёмкой...».....	10
«Я родился в городе, где каждый второй...».....	11
«Что жизнь? Игра на балалайке...».....	12
«На уровне молекулярном...».....	13
«Недоучившийся учитель...».....	14
«Весна входит в город развязной...».....	15
«Я сегодня проснулся и выпил свой чай...».....	16
«Может быть, чтобы приблизить небо...».....	17
«Нет. Не стоит на стены лазить...».....	18
«Уйду в тайгу. Уйду в тайгу...».....	19
«Стих часто дольше сильных чувств...».....	20
«Есть в слове "надо" – ад, а в слове "нужно" – ужас...».....	21
«Что бесхарактерность? – пространство, а характер...».....	22
«Среда...».....	23
«Май. Сумерки. Цветёт рябина...».....	24
«В шапочке из белого войлока...».....	25
«Голые стены квартиры...».....	26
«Пьян я, как Модильяни...».....	27
«Ей было сорок, ему двадцать пять...».....	28
Метаморфозы.....	29
«Что у меня осталось?...».....	30
«Вот берег. Он морской. На нём лежит...».....	31
«Время людей деловых приспело...».....	32
Святая слепота.....	33
«Душа моя простая, грустная...».....	34
«Город мой. Запылённый и грязный...».....	35
«Это место нашего с тобой... детства...».....	36
«Серебряные птички звёзд...».....	37
«Глядя на часы, видишь, как теряется время...».....	38

«Ты знаешь, как слышна тишина...»	39
Транзит	41
«Горячий щебень. Запах креозота...»	43
«Мир знал до человека о себе...»	44
«Пальцы, мнущие сигарету...»	45
«Мысли, лишённые реального содержания...»	46
«Пилит двуручной один, что-то лопочет...»	47
«Научиться бы жить...»	48
«Ровесники, зачем не слышу вас?...»	49
«Пережду с котомкой под кустом...»	50
«Вечер в тайге. Густеет туман над рекой...»	51
«Легко презирать держащих бразды...»	52
«Тусклую блесну метну я...»	53
«Я вернулся в мой город из чёрной тайги...»	54
«Был в любом городе посторонним...»	56
«Не спится... Устал, а смотри-ка, не спится...»	57
Ваньке	58
«Конец субботы. Мой знакомый Бог...»	61
«Толстый дедушка верхом на быке, посох в руке...»	62
«В чём смысл жизни – не очень сложный вопрос...»	63
«Ниоткуда пришедший на эту землю...»	64
«Я на коне не скакал ни разу...»	65
«Я знаю, что слово умеет бить...»	66
«За практику смертей и воскресений...»	67
До темноты	68
«Время пошло по девятому кругу...»	69
«Поцеловать: "Гуд найт, ма шер"...»	71
«Когда запоёт Орфей...»	72
«Тот, кто любит, тот не любим...»	73
«Я на счастье бью тарелки...»	74
«Он всё писал – прелюдии, вступленья...»	75
«Осень. Окончанье октября...»	76
«Замёрзшие гитарные смычки...»	78
«Время сыплет песок и течёт рекой...»	79
Стихотворения, публикуемые впервые	80

Для заметок

Для заметок

Тираж – 50 экз.

84

Издательство «Ник без Компані»